

С. А. Нефедов

Неизвестная Февральская революция (часть 2)

***Нефедов Сергей
Александрович***
доктор исторических
наук, профессор,
Институт истории
и археологии
Уральского
отделения РАН,
Уральский
федеральный
университет
(Екатеринбург,
Россия)

В конце 1916 — начале 1917 г. на арену политической борьбы выступил новый фактор: продовольственный кризис. Для обеспечения огромных военных расходов правительство было вынуждено в небывалых до тех пор масштабах печатать бумажные деньги; это привело к резкому росту цен на хлеб, и, чтобы сдержать этот рост, в сентябре 1916 г. были введены твердые цены на зерно. Протестуя против невыгодных цен, производители резко сократили поставки хлеба на рынок, и в городах стала ощущаться нехватка хлеба. Эти проблемы были усугублены затруднившимися подвоз метелями, и в конце января 1917 г. министр земледелия А. А. Риттих распорядился уменьшить выдачу муки петербургским хлебопекарням вдвое — до 35 тыс. пудов в день¹. Из этой муки можно было испечь 50 тыс. пудов хлеба; городские власти полагали, что в Петрограде 2 млн жителей; тогда на каждого из них пришлось бы по 1 фунту (409 г) хлеба. Это примерно соответствовало размерам хлебного пайка для рабочих Ленинграда в феврале 1942 г.² Но в блокадном Ленинграде хлеб распределялся по карточкам, и каждому была обеспечена его мизерная пайка. В Петрограде хлеб получал тот, кто занимал место в очереди вечером и ждал всю ночь до открытия булочной в 6 часов утра. Первые покупатели могли получить по два фунта, а иногда и больше, но на половину

очереди хлеба не хватало. «Хвосты у петроградских булочных с каждым днем все удлиняются, а производство сокращается, — сообщалось 2 февраля в “Биржевых ведомостях”. — Большинство петроградских булочных торгует в настоящее время с 6 часов утра до 8 часов утра, причем в течение этих двух часов положительно расхватывается все, что выпекается за ночь, а затем с 4 часов дня до половины шестого».

По свидетельству очевидцев, очереди от булочных, протягиваясь, охватывали спиралями целые кварталы³. В «хвостах» стояли преимущественно женщины, которые приводили с собой детей — чтобы получить на фунт-другой больше. «Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы, Родичевы и К^о, — докладывал 5 февраля К. И. Глобачев, — и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар... Если население еще не устраивает “голодные бунты”, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной для всех — анархической революции — сомневаться не приходится»⁴.

Директор Департамента полиции А. Т. Васильев включил записку Глобачева во Всеподданнейший доклад, который министр внутренних дел А. А. Протопопов готовил для Николая II — так что царь знал об опасности «анархической революции». В другом докладе Васильев писал о том, что «левые группы» стремятся использовать «повышенно-нервное настроение» населения, чтобы вызвать в Петрограде «вспышку голодного бунта», и что «при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки»⁵.

Продовольственное положение продолжало ухудшаться, и 4 февраля выдача муки пекарням была уменьшена до 28 тыс. пудов⁶. При таком расходе муки на каждого жителя приходилось по 300 г печеного хлеба в день — если бы этот хлеб распределялся равномерно. «Продовольственный кризис в Петрограде обострился, — писала газета “Речь” 11 февраля. — Многих необходимых продуктов или вовсе нет, или есть в недостаточном количестве... У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде купить булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше одного-двух фунтов на человека в день не продают, и многим приходится или являться в лавки со своими домочадцами, или становиться несколько раз в очередь у разных лавок, чтобы получить нужное количество хлеба».

«В 6 часов в большинстве мелочных и булочных не хватает хлеба... — сообщал агент “Рутицев”, — на этой почве было много столкновений толпы с лавочниками, в результате чего многие магазины стали закрываться раньше времени, а окна заколачивают щитами... Хозяева магазинов ждут “голодного погрома” ввиду того, что... хлеба хватает лишь до 5 часов пополудни и для рабочих, приходящих с работы уже после 7 часов вечера, фактически ничего не остается»⁷.

«Успешность начинаний подполья, — докладывал Глобачев 5 февраля, — всегда стоит в прямой зависимости от общего настроения рабочих масс, а последнее в данный момент нельзя считать хорошим и благоприятным в отношении правительственных властей, что главным образом создается дороговизной жизненных припасов и трудностью их покупки и даже почти полным отсутствием таких необходимых, как хлеб, мясо и т. д. Рабочие массы, будируемые прогрессивными слоями, внят во всем нынешний состав правительства, а потому призыв к стачке... ныне популярен и найдет отзвук в настроениях неорганизованного пролетариата, и, как следствие этого, необходимо ждать стачек 10 и 14 февраля в большом масштабе, попыток устраивать демонстрации с доведением последних до открытых столкновений, а 14 февраля — и шествий к Таврическому дворцу, где предполагается потребовать от Государственной думы перехода уже на явно революционный путь»⁸.

Обстановка накалялась, митинги на заводах проходили практически каждый день. 8 февраля митинг на Путиловском заводе перерос в схватку с полицией, причем восемь городских получили серьезные ранения; чтобы противостоять толпе, полицейские применяли оружие⁹. «Настроение в рабочих массах чрезвычайно приподнятое, — докладывал 9 февраля агент “Семенов”. — Сегодня еще большую тревогу внесли пущенные кем-то слухи о расстреле рабочих полицией, произошедшем будто бы вчера при разгоне митинга на Путиловском заводе. Характерно, что всколыхнулись самые серяки, не знающие никакой ни легальной, ни нелегальной организации. В лавке, где покупателями являются преимущественно рабочие, за последние дни нередко слышны такие разговоры: “Вот придет 14-е, мы вам, мародерам, покажем”. Заметно сильное стремление всех рабочих, которые имеют возможность это сделать, запастись оружием... Повсюду в банях и чайных идут разговоры о предстоящем выступлении 14 февраля»¹⁰.

В Охранное отделение поступали сведения не только о том, что рабочие запасаются оружием, но и о непосредственной подготовке вооруженного восстания. Агент «Маевский» сообщал, что «среди рабочих города Петрограда распространяется упорный слух, будто 14 февраля готовится чуть ли не вооруженное восстание и даже передают, что в распоряжении революционных организаций есть бомбы и огнестрельное оружие»¹¹. Начальник Кронштадтского жандармского управления сообщал, что «среди рабочих петроградских заводов ныне обсуждается вопрос о готовящемся 14 февраля восстании, с каковой целью заводы посещают новые, ранее неизвестные рабочим лица»¹². Начальник Контрразведывательного отдела штаба Петроградского военного округа докладывал: «Мною получены агентурные сведения, что петроградские рабочие завтра, 10 февраля, или 14 февраля предполагают внезапно напасть на полицейские участки, а затем отправиться на главную телефонную станцию, которую и испортить. Все это поручено исполнить боевым дружинам»¹³. В другом сообщении говорилось, что, по слухам, на Обуховском заводе рабочим уже роздано оружие¹⁴.

Подпольные социалистические партии, социал-демократы и эсеры, конечно, не могли остаться в стороне от проводимой сторонниками Рабочей группы митинговой кампании. Большевики изначально были против манифестации в поддержку буржуазной Думы; их ораторы старались «раскрыть глаза рабочим» и даже, по

сообщению одного из агентов охраны, поначалу имели некоторый успех¹⁵. Глобачев писал в докладной записке от 5 февраля, что «большевики усматривают в призыве рабочей группы желание довести дело до вооруженных столкновений с полицией и войсками, дабы создать кровавые события, толкающие страну к революционному перевороту в пользу буржуазных слоев»¹⁶. Однако рядовые партийцы высказывались за участие в манифестации¹⁷, и в итоге, по словам члена Русского бюро ЦК РСДРП А. Г. Шляпникова, бюро «решило поддержать призывы к демонстрации, принять участие в этом движении... призвав рабочих и солдат к низвержению царской монархии»¹⁸. При этом вместо манифестации у Таврического дворца предлагалось идти с красными знаменами на Невский проспект. Петроградский комитет, со своей стороны, предложил провести забастовку и демонстрацию не 14, а 10 февраля; потом дата была перенесена на 13 февраля, и в конечном счете «сепаратная» демонстрация большевиков так и не состоялась. Что касается меньшевиков, то их «Инициативная группа» ограничилась выпуском листовки с призывом к рабочим не участвовать в манифестации¹⁹. Впрочем, по оценке Охранного отделения, влияние партийцев на рабочие массы было незначительным²⁰. А. Г. Шляпников в письме В. И. Ленину описывает события как посторонний наблюдатель: «Политическая борьба с каждым днем обостряется. Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган... Настроение угрожающее. В конце прошлого месяца из гвоздевских кругов вышла прокламация-резолуция, призывающая рабочих к демонстрации 14 февраля вокруг Думы. Среди обывателей циркулируют слухи относительно "революции" 14 февраля»²¹.

Параллельно с подготовкой «революции» 14 февраля группа Гучкова готовила военный переворот. Переворот готовился уже несколько месяцев, и теперь заговорщики, по-видимому, сочли, что манифестация и неминуемые кровавые беспорядки станут удобным моментом для выступления военных²². Жандармский генерал А. И. Спиридович рассказывал, что в эти дни Гучков планировал «осуществить свой фантастический младотурецкий план захватить императора, склонить его к отречению в пользу цесаревича, причем при сопротивлении Гучков готов был прибегнуть к цареубийству»²³.

По словам Спиридовича, «в самую тесную конспиративную группу» Гучкова входили член ЦВПК киевский миллионер М. И. Терещенко, член Государственной думы, левый кадет Н. В. Некрасов, камер-юнкер князь Д. Л. Вяземский и служивший на Румынском фронте генерал-майор А. М. Крымов. Терещенко в узком кругу проговорился, что «в заговоре участвуют офицеры собственного полка и конвоя Его Величества», он «называл фамилии и назвал даже одного полковника»²⁴.

При дворе знали о том, что охраняющий Царское Село сводный полк ненадежен: Протопопов предупреждал о «возбуждении» офицеров и солдат против императрицы Александры Федоровны²⁵. На одном из приемов офицеры сводного полка устроили овацию председателю Думы М. В. Родзянко за его оппозиционные выступления²⁶. Говорили даже, что один из офицеров стрелял в императрицу и легко ранил ее в руку. Николай II приказал срочно заменить сводный полк на другие части, и, должно быть, это до некоторой степени расстроило планы заговорщиков²⁷.

Спиридович сообщает, что переворот был назначен на 8 февраля²⁸, но, по-видимому, это была не окончательная дата. А. Ф. Керенский утверждает, что

он был участником заговора, и переворот должен был состояться в середине февраля²⁹. Но проблема заключалась в том, что Гучков не мог найти среди офицеров людей, готовых идти на цареубийство³⁰. Сохранились сведения о том, что 9 февраля имело место совещание заговорщиков, на котором было решено совершить попытку переворота в апреле³¹. Однако слухи о заговоре достигли императорского двора и сыграли свою роль в нагнетании напряженности перед 14 февраля. В. Шульгин вспоминал, что в то время о заговоре «воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной»³².

Лидеры Прогрессивного блока не участвовали в подготовке военного переворота, но были в курсе этих разговоров и даже сочли необходимым встретиться с руководителями Центрального военно-промышленного комитета (далее — ЦВПК), чтобы выработать некий план действий на случай переворота. По свидетельству П. Н. Милюкова, «Гучков присутствовал при обсуждении, но таинственно молчал, и это молчание принималось за доказательство его участия в предстоявшем перевороте. Говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной — вплоть до вмешательства “лейб-кампанцев”, как это было в XVIII в.; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице, и т. д. Мы ушли, во всяком случае, без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением, в случае если он состоится, взять на себя устройство перехода власти к наследнику и к регенту»³³.

Лидеры блока были готовы согласиться с возможностью военного переворота, но планы «революции 14 февраля» их откровенно пугали. «Проявленная подпольными социалистическими группами склонность использовать момент для превращения “мирной народной манифестации” в бурное революционное выступление — в сильной степени пугает “претендентов на власть”», — сообщал один из сотрудников охраны 2 февраля³⁴. 4 февраля вопрос об отношении к предполагаемой манифестации обсуждался на пленуме партии кадетов. Большинство выступавших отнеслось к ней скептически; говорилось об отсутствии организации, о том, что массы не пойдут за Рабочей группой. Высказывалось даже предположение, что все это — провокация, подготовляемая Протопоповым. Выступивший в заключении Милюков заявил, что «движение не может удасться», а с другой стороны, оно приведет к расколу в Думе: «К рабочим отнесутся правые как к социальному и политическому врагу»³⁵. Однако в Думе имелись и другие взгляды на манифестацию 14 февраля. Как мы увидим далее, председатель Думы Родзянко намеревался использовать угрозу революции, чтобы добиться от Николая II согласия на создание ответственного министерства.

Что касается позиции делового мира, то некоторое представление о ней дает перехваченное полицией письмо, автор которого, по-видимому, был близок к ЦВПК. «Сорок высших членов финансового и промышленного мира приняли вчера (8 февраля) вечером участие в нашем первом собрании представителей групп; собрание это имело место в помещении правления одного крупного промышленного предприятия с участием трех или четырех представителей больших заграничных банков. Финансисты и промышленники постановили почти единодушно, что в случае нового займа они согласятся оказать займу содействие и дать

деньги лишь народу, но откажут в этом настоящему составу правительства. На 14 февраля нужно ожидать чего-то тяжкого и серьезного; сигнал уже дан. Я не предполагаю революции, но мятежная вспышка вполне возможна; исход этого дела зависит всецело от того положения, которое займут войска при виде народных масс, направляющихся к Государственной думе. Многие гвардейские офицеры, находящиеся в Петрограде в настоящее время, высказываются в смысле невозможности поручиться за своих солдат, зная их неудовлетворенность»³⁶.

Нужно отметить, что проводившаяся «ораторской коллегией» Рабочей группы агитация проникала и воинские части. «За последнее время во всех слоях населения и даже в воинских частях усиленно говорят о готовящемся восстании 14 февраля и даже о возможном в этот день государственном перевороте», — доносил 2 февраля агент «Маевский»³⁷. В лейб-гвардии Семеновском полку были обнаружены листовки о готовящемся шествии к Думе³⁸. Один из агентов охраны передавал, что, по слухам, «14 февраля к демонстрации рабочих примкнут некоторые воинские части и... дело может дойти до пулеметов»³⁹.

Власти были хорошо информированы о готовящемся восстании, но не решались арестовать заговорщиков. «Когда Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета была арестована, — свидетельствует Глобачев, — когда материал, обнаруженный следствием, ясно указывал на серьезную подготовку к перевороту и руководство им лицами, пользующимися правом иммунитета, т. е. членами Государственной думы, тогда назрел вопрос о немедленной ликвидации революционного центра, но на это Протопопов, несмотря на все представленные ему доводы, не пошел. Агентурой Охранного отделения в то же время был выяснен полный список членов уже заранее намеченного будущего Временного правительства. Этот список был представлен мною министру с ходатайством о немедленной ликвидации этой группы также, но Протопопов ограничился только тем, что сказал: «Это очень важно»⁴⁰. Когда встал вопрос об аресте председателя ЦВПК Гучкова, то Протопопов сказал, что арест только увеличит его популярность и лучше сначала обвинить ЦВПК в финансовых злоупотреблениях, чтобы таким образом обезоружить оппозицию»⁴¹.

План Протопопова состоял в том, чтобы, воспользовавшись истечением в 1917 г. полномочий Государственной думы, объявить о ее роспуске и назначить новые выборы⁴². Это позволило бы на законных основаниях устранить оппозиционную Думу и сделало бы бессмысленной манифестацию 14 февраля. Протопопов привлек к выполнению этого плана бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, который пользовался уважением Николая II. 8 февраля Протопопов передал Маклакову Высочайший приказ разработать проект манифеста о роспуске Думы и привести его лично государю⁴³.

В этот же день под председательством петроградского градоначальника А. П. Балка состоялось совещание, наметившее «план охраны» Петрограда на случай ожидавшихся 14 февраля «беспорядков». Обсуждали приготовления рабочих к манифестации, в частности слух о том, что рабочие будут бросать в полицию ручные гранаты. Была расписана диспозиция воинских частей по районам. Помимо полиции планировалось использовать 12 казачьих сотен и два жандармских дивизиона⁴⁴. На следующий день Протопопов доложил Николаю II и императрице

о готовящейся на 14 февраля манифестации и о «плане охраны». В докладе говорилось, что «рабочие массы, безусловно, 14 февраля предпримут попытку устроить шествие к Таврическому дворцу, не останавливаясь даже перед неизбежностью в таком случае столкновения с полицией и войсками», что «руководящие движением революционеры стремятся не только вовлечь рабочих на путь открытого выступления, но и довести дело до вооруженных столкновений с полицией»⁴⁵. Протопопов упомянул также о том, что в 1905 г. беспорядки прекращали 60 тыс. солдат и что теперь общая численность всех благонадежных частей составляет лишь 12 тыс. чел.⁴⁶

В своем докладе Протопопов отметил, что «не разделяющие задуманного революционными элементами превращения “мирной народной манифестации” в кровавое выступление, главари оппозиции проявляют полную растерянность»⁴⁷. Лидеры оппозиции испытывали страх перед возможностью революции, но в то же время старались запугать революцией императорский двор — и вырвать у Николая II согласие на создание ответственного министерства. Идея использовать угрозу революции принадлежала, по-видимому, председателю Думы М. В. Родзянко. С этой целью он связался с некоторыми либерально настроенными членами династии и просил их донести информацию об угрозе до государя. 6 февраля об угрозе революции с императором говорил великий князь Михаил Александрович, затем 10 февраля Николай II принял по его просьбе великого князя Александра Михайловича. Великий князь убеждал императорскую чету изменить курс внутренней политики, устранить Протопопова, призвать к власти других людей — имелись в виду лидеры оппозиции. «Все, что вы говорите, смешно, — ответила императрица. — Ники — самодержец, как он может делить с кем бы то ни было свои божественные права?» — «Вы ошибаетесь, Аликс. Ваш супруг перестал быть самодержцем 17 октября 1905 г. Надо было тогда думать о его божественных правах. Теперь это, увы, слишком поздно. Быть может, через два месяца в России не останется камня на камне, что бы напомнило нам о самодержцах...»⁴⁸

«Разговор был настолько резким и громким, что великая княжна Ольга Николаевна попросила дежурного флигель-адъютанта Линевича быть с ней в соседней комнате: отношения между членами династии были настолько натянутыми, время было таким беспокойным, что на женской половине кому-то пришла в голову мысль о возможности нападения»⁴⁹.

Таким образом, тактика запугивания приносила плоды, и страх уже поселился в покоях Царскосельского дворца. В тот же день, 10 февраля, вслед за визитом Александра Михайловича, был назначен доклад Родзянко. Председатель Думы подготовил два доклада, в одном из них был дан обстоятельный анализ экономического положения, которое признавалось прямо-таки катастрофическим⁵⁰. Другой доклад касался политической обстановки. Родзянко между прочим упомянул о пулеметах, которые были приготовлены для разгона манифестации 14 февраля. Николай II был удивлен: «Я ничего об этом не знал...», — сказал император⁵¹. «Вы хотите... в такое время прекратить заседания Думы, — закончил свой доклад Родзянко. — Я вас предупреждаю, я убежден, не пройдет и трех недель с этого дня, как вспыхнет революция, которая сметет вас, и вы уже царствовать не будете. Я предупреждаю вас, государь»⁵².

Жена Родзянко, Анна Николаевна, со слов мужа приводит некоторые подробности аудиенции. «На доклад Миши, который ярко изображал все положение в стране, наступающий голод в тылу и армии, отношение правительства к народу, инертность властей и тревогу благомыслящих людей, государь отвечал резко, с досадой, и наконец прервал чтение Миши... словами: “Кончайте скорее, мне время нет...” На вопрос Миши, верны ли слухи о скором роспуске Думы, он ответил: “Вероятно, занятия протянутся до Пасхи, впрочем, все от вас зависит, и если не будет неприличных, резких выступлений, Дума не распустится”»⁵³.

В этом ответе Николая II содержалось признание того, что он не желает революции и передумал распускать Думу. «Горячая компания, поднятая против проектов Маклакова и Протопопова, имела успех, — свидетельствует Спиридович. — Когда 11 февраля Маклаков лично привез государю проект манифеста о роспуске Государственной думы, тот принял его, но заметил, что этот вопрос надо обсудить всесторонне. Изменение отношения государя к Думе было так очевидно, что все говорили, что император намерен приехать на открытие Государственной думы, чтобы объявить о даровании ответственного министерства»⁵⁴.

Главным мотивом изменения отношения императорского двора к Думе был страх перед 14 февраля. Когда Протопопова спросили о том, как относилась к ожидавшемуся выступлению рабочих императрица, он ответил: «С ужасом, она боялась этого, она говорила: “О, что будет, о, что будет”»⁵⁵. При этом Протопопов признался, что он «и сам это говорил»⁵⁶.

После аудиенции Родзянко лидеры Прогрессивного блока поняли, что Дума не будет распущена и необходимо немедленно сделать ответные уступки двору. Это было тем более необходимо, что эти лидеры и сами боялись приближающейся «революции 14 февраля» и думали только о том, чтобы как-то остановить надвигающиеся события. Уже вечером 10 февраля в газете «Речь» было опубликовано «открытое письмо» Милюкова к рабочим с призывом не поддаваться агитации и оставить мысль о демонстрации 14 февраля. Письмо Милюкова интересно прежде всего тем, что оно описывает методы агитации, которые использовала группа Гучкова. «До сведения моего дошло, — писал Милюков, — что неизвестное мне лицо, называвшее себя членом Гос. Думы Милюковым, вело в последние дни агитацию на фабриках (в частности, Лесснера), убеждая рабочих выступить в день возобновления сессии Гос. Думы, 14 февраля, с требованием более решительного образа действий Гос. Думы и с протестом против войны. Из того же источника я узнал, что какие-то люди, именовавшие себя членами Гос. Думы, раздают рабочим оружие. Спешу предупредить лиц, поверивших подобным заявлениям, что они сделались жертвами самого грубого обмана»⁵⁷. Далее Милюков использовал самый сильный аргумент, чтобы остановить рабочих: он предупреждал, что призывы выйти на демонстрацию исходят из «самого темного источника», что последовать этим призывам — «значит сыграть на руку врагу»⁵⁸.

Письмо Милюкова опровергало мнение Протопопова (которого, по-видимому, придерживался и император), что Дума ищет поддержки рабочих масс и желает использовать их 14 февраля⁵⁹. Однако в момент опубликования письма было трудно оценить, какое впечатление оно произведет на рабочих. Некоторые агенты охраны утверждали, что впечатление было незначительным⁶⁰. Вместе с тем

имелись сведения о том, что на заводских митингах активизировались ораторы, выступающие против проведения манифестации. Так, 13 февраля во время митинга на Ижорском заводе оратор убеждал рабочих смотреть на призыв Рабочей группы как на провокацию⁶¹ — в духе письма Милюкова.

Между тем 10 февраля должна была состояться забастовка, к которой призывали большевики, но бастовали только 430 чел. на трех небольших предприятиях — и к тому же они объясняли свой уход с работы не призывами большевиков, а желанием отпраздновать масленицу⁶². 12 февраля состоялось собрание Петроградского комитета РСДРП, которое обсуждало эту неудачу; по сообщению охранки, собравшиеся «высказали мысль о желании использовать 13 и 14 февраля повышенное настроение рабочих масс, вызванное сторонниками Рабочей группы»⁶³. Напряжение сохранялось, и, по свидетельству его сотрудников, 11 февраля Протопопов «находился в нервном состоянии», ожидая крупных беспорядков в Петрограде в день открытия Государственной думы⁶⁴.

13 февраля Родзянко предпринял новую попытку использовать страх перед революцией для того, чтобы добиться согласия Николая II на ответственное министерство. Председатель Думы воспользовался приездом в Петроград генерала В. И. Гурко, который исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего в отсутствие заболевшего М. В. Алексева. Родзянко приехал к Гурко и сообщил ему, что «в Государственной думе имеются достоверные сведения о том, что подготавливается переворот и совершит его... чернь! Говорили государю об этом все, последняя надежда на Гурко»⁶⁵. Генерал тотчас же помчался в Царское Село, и был немедленно принят императором. Как вспоминала одна из фрейлин императрицы, «четверть часа за тяжелой дверью... не слышно было ни малейшего звука. Но вдруг раздался голос Гурко... и до изумленных министров и адъютанта донеслись ясно... слова: "Ваше императорское величество, Вы добровольно готовите себе виселицу. Не забывайте, что чернь церемониться не станет. Вы губите семью и себя". Ответа царя неслышно было, но через несколько секунд Гурко уже выходил из кабинета бледный и потрясенный... Он лишь махнул рукой: "Сорвалось"»⁶⁶.

Люди, близко наблюдавшие Николая II, единодушно отмечали, что царь не любил грубых, прямолинейных советов и не терпел, когда на него оказывают давление⁶⁷. Это был основной принцип самодержавия: не поддаваться давлению. Император мог уже принять решение что-то «милостиво даровать» своему народу, но если этого «что-то» начинали требовать, то решение откладывалось. Как утверждает Спиридович, премьер Голицын уже говорил кому-то, что император 14 февраля приедет в Думу, чтобы своей милостью объявить о создании ответственного министерства⁶⁸. Но император не приехал.

Между тем правительство принимало все меры, чтобы предотвратить манифестацию 14 февраля. 5 февраля начальник Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов получил полномочия для принятия самостоятельных решений по усмирению «беспорядков»⁶⁹. 10 февраля Хабалов опубликовал воззвание к рабочим: «Петроградские рабочие! Не слушайте преступных подстрекателей, которые зовут вас к измене. Оставайтесь при ваших станках, исполняя тем ваш долг пред вашими братьями, которые заменили вас в окопах...»⁷⁰ В тот же день,

10 февраля, градоначальник Балк распорядился выдать семьям рабочих муку на пять дней вперед⁷¹. Полицейским было приказано проследить, чтобы к утру 14 февраля каждая пекарня выдала положенную норму хлеба⁷². Газеты успокаивающе писали о том, что у «большинства хлебных лавок и магазинов хвосты уменьшились», что «хлебный кризис утратил свою остроту»⁷³. Хабалов дал интервью газете «Биржевые ведомости», в котором говорил о том, что «рабочая масса в целом далека от политики. Ее больше волнует, как и всех нас, продовольственный вопрос... К счастью, благодаря принятым чрезвычайным мерам, продовольственный кризис удалось на время ослабить. Железнодорожные пути освобождены от снежных заносов. В последние дни в столицу прибывали большие партии муки, в среднем по 25 поездов в день (в действительности 25 вагонов. — С. Н.). Сообразно с этим увеличилось количество ежедневной выдачи муки пекарням, вместо прежних 28 тыс. пудов, в настоящее время отпускается 35 тыс. пудов в день. Урегулирование продовольственного вопроса, по моему мнению, одна из важнейших задач момента. Если удастся наладить продовольственное дело, то исчезнет почва для волнений в рабочей среде»⁷⁴.

Будущее показало, что Хабалов был прав: Февральская революция началась с голодного бунта 23–24 февраля, притом что в те дни никто не призывал устраивать манифестации. Но 10–14 февраля властям удалось на время отсрочить голодный бунт — правда, на выдачу пятидневной нормы муки ушла значительная часть имевшихся в Петрограде запасов. Тем не менее обстановка оставалась напряженной, один из агентов охраны сообщал, что «13 февраля с утра по Петрограду распространились тревожные слухи о возможности больших беспорядков; к 1 часу дня в заводских районах... стало известно, что сторонники забастовки 14 февраля берут на всех заводах верх над противниками выступлений»⁷⁵.

Утром 14 февраля войска заняли свои позиции согласно «плану охраны», полицейские пулеметчики расположились на крышах высоких зданий. Наступил решающий момент; приходили сведения, что заводы останавливаются один за другим. Забастовало 80 тыс. рабочих, на заводах проходили митинги, кое-где появились красные флаги. Рабочие пели «Марсельезу»⁷⁶.

Но они не пошли к Таврическому дворцу.

«Большинство рабочих спокойно разошлось по домам, — с некоторым удивлением сообщало Охранное отделение. — Попытки собраться толпами для производства демонстрации наблюдались лишь в трех местах... собрания рабочих в этих местах были по численности 150–200 чел. Энергичными мерами конной и пешей полиции демонстранты были немедленно рассеяны... Кроме того, близ здания Государственной думы стремившаяся собраться на тротуарах публика в числе 400 чел. была также рассеяна...»⁷⁷

И на Невском проспекте собралась «публика», но рабочие там оказались в меньшинстве. Было много студентов; по сообщению охраны, «привлекло общее внимание... массовое участие офицерских чинов, преимущественно прапорщиков, более чем усердно распевавших вместе со студентами “Марсельезу”...»⁷⁸ Были и офицеры в более высоких чинах, пытавшиеся воспрепятствовать действиям полиции. Студенты, видимо, рассчитывали на нечто большее, чем простая демонстрация: они устроили свой штаб в редакции газеты «Русская воля» — причем

среди организаторов были два прапорщика и два эсера из числа рабочих. Но «публика» на Невском проспекте было быстро рассеяна полицией⁷⁹.

Таким образом, в демонстрации участвовали интеллигенты, студенты, и даже офицеры — но лишь немногочисленные рабочие. Почему же не пришли рабочие? Современники считали, что решающую роль сыграли письмо Милюкова и интервью Родзянко, который также обратился к рабочим с призывом отменить манифестацию⁸⁰. Жена Родзянко писала, что «улица не выступила... благодаря успокоительным мерам, принятым Мишею и другими депутатами»⁸¹. Милюков, естественно, приписывал все заслуги себе: «Мое воззвание, помещенное рядом с обращением Хабалова... цели своей достигло: выступление рабочих не состоялось»⁸². Керенский рассказывает, что в начале февраля «нас с Чхеидзе посетила делегация рабочих Путиловского завода, который играл ведущую роль в рабочем движении столицы, и сообщила нам, что в день открытия Думы рабочие планируют провести массовую демонстрацию в ее поддержку. *Демонстрация была отменена* (курсив мой. — С. Н.), поскольку по тактическим соображениям Прогрессивный блок принял решение не поддерживать этот план. Об этом было объявлено в письме, которое Милюков направил в газеты»⁸³.

Главную роль, однако, сыграли не призывы Милюкова и не предупреждения Хабалова. Через десять дней революция — в форме голодного бунта — началась без всякой агитации и проигнорировала все призывы. Революция могла бы начаться и 14 февраля, если бы власти не распорядились выдать рабочим пятидневную норму муки. В результате этой выдачи запасов не хватило до прибытия застрявших из-за снежных заносов поездов — и Февральская революция разом покончила и с самодержавием, и с Государственной думой.

Как бы то ни было, 14 февраля у властей и оппозиции оставалось еще две недели, чтобы попытаться спасти страну. Обе стороны понимали, что стоят на краю пропасти — Милюков прямо заявил об этом в своей речи 15 февраля. Прогрессивный блок решил не будировать требование смены правительства и сосредоточиться на поисках выхода из продовольственного кризиса⁸⁴. При открытии заседаний 14 февраля была принята весьма сдержанная декларация. Премьер Голицын, вопреки традиции, не явился на заседание Думы и не представил декларации своего правительства. Это подтверждало слух о том, что он уйдет в отставку; говорили о том, что новым премьером, возможно, будет Маклаков, но также и о том, что вскоре сама Дума будет выбирать нового премьера⁸⁵.

Император молчал, но страх при дворе давал о себе знать: императрица сочла нужным пригласить в свои апартаменты офицеров прибывшего для ее охраны Гвардейского экипажа и попыталась приобрести их симпатии⁸⁶. «Царь боялся А. И. Гучкова», — говорил позднее Протопопов⁸⁷. «Все ждут переворота... — писал Спиридович, — Называли офицеров, которые якобы готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре великих князей»⁸⁸. «В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю», — писал британский корреспондент О'Донован⁸⁹.

В этой обстановке, как свидетельствует царский историограф Д. Н. Дубенский, при дворе снова начались разговоры о создании ответственного министерства⁹⁰. Как отмечалось выше, слух об этом решении царя распространился еще перед

14 февраля, и он исходил от премьера Голицына. Но царь не мог прийти в Думу 14 февраля, потому что в этом случае сложилось бы впечатление, что он действует под давлением, что он испугался революции, которую готовит «чернь». Теперь революция отступила, но после письма Милюкова сложилось впечатление, что «чернь» руководит Дума, которая может в любой момент спровоцировать новый кризис. Поэтому разумно было, выждав какое-то время, «милостиво даровать» то, на что нельзя было согласиться под давлением.

«Дума уже заседала около недели, — вспоминал Родзянко. — Стороной я узнал, что государь созывал некоторых министров во главе с Голицыным и пожелал обсудить вопрос об ответственном министерстве. Совещание это закончилось решением государя явиться на следующий день в Думу и объявить о своей воле — о даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой. Вечером его вновь потребовали во дворец, и царь сообщил ему, что он уезжает в Ставку.

— Как же, ваше величество, — изумился Голицын, — ответственное министерство?.. Ведь вы хотели завтра быть в Думе.

— Да... Но я изменил свое решение... Я сегодня же вечером еду в Ставку»⁹¹.

Историки обычно ставят здесь точку. Царь уехал, а на следующий день началась Февральская революция. Однако история о создании ответственного министерства имела продолжение. «Уже после переворота, — сообщает К. И. Глобачев, — когда я встретился с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху. Временному правительству, очевидно, это стало известно, но оно по весьма понятным причинам об этом умолчало»⁹².

Таким образом, фраза императора «я изменил свое решение» относилась лишь к его первоначальному намерению быть на следующий день в Государственной думе. По-видимому, Николай II все же решил создать ответственное министерство и подписал соответствующий указ. Однако начавшаяся в Петрограде революция спутала все карты. Царь снова оказался в ситуации, когда под давлением он не мог согласиться на то, что был готов «милостиво даровать». Поэтому 27 февраля он послал Голицыну телеграмму, в которой заявил, что при *данных обстоятельствах* перемены в личном составе правительства недопустимы. На следующий день Николай II изменил свое решение — но все это уже не имело значения, так как революция означала конец как для императорской власти, так и для Государственной думы.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что политические процессы накануне Февральской революции носили более сложный характер, чем казалось ранее. Вполне вероятен был вариант, что власть и оппозиция смогут договориться и осуществить реформу политической системы. Эта радикальная реформа была бы равносильна революции: она означала конец самодержавия и переход власти к выборному народному представительству. Однако остается открытым вопрос, как отреагировал бы на это народ: ведь продовольственный кризис продолжался, и угроза голодного бунта сохранялась. Даже Временное правительство не смогло решить продовольственную проблему, что в значительной степени и предопределило его судьбу.

- ¹ Государственная дума. 1906–1917: стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 341.
- ² Блокадный Ленинград, паек блокадников. URL: <http://cooks.kz/blokadnyiy-leningrad-rayok-blokadnikov> (дата обращения: 25.12.2017).
- ³ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. СПб., 2014. С. 60.
- ⁴ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. М., 2009. С. 403.
- ⁵ Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927. С. 190.
- ⁶ Мука для Петрограда // Новое время. 1917. № 14707. 10 февр. С. 3.
- ⁷ Буржуазия накануне... С. 187.
- ⁸ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. С. 406.
- ⁹ *Лейберов И. П., Рудаченко С. Д.* Революция и хлеб. М., 1990. С. 56.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 154.
- ¹¹ Там же. Л. 160.
- ¹² Там же. Ф. 102. Департамент полиции. Особый отдел (далее — ДП.ОО). Оп. 247. 1917. Д. 341. Ч. 58. Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 154.
- ¹⁴ Там же. Л. 164.
- ¹⁵ Там же. Л. 146.
- ¹⁶ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. С. 406.
- ¹⁷ Буржуазия накануне... С. 185.
- ¹⁸ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 40.
- ¹⁹ Там же. С. 40, 44.
- ²⁰ Буржуазия накануне... С. 172.
- ²¹ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 59.
- ²² Там же. С. 55.
- ²³ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 476.
- ²⁴ Там же. С. 477.
- ²⁵ Падение царского режима (далее — ПЦР). Т. 4. Л., 1925. С. 45.
- ²⁶ Там же. С. 459.
- ²⁷ К истории последних дней царского режима // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 246.
- ²⁸ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 477.
- ²⁹ *Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 100.
- ³⁰ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 477.
- ³¹ *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 94–98.
- ³² *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 421.
- ³³ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 285.
- ³⁴ Буржуазия накануне... С. 186.
- ³⁵ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 342.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341. Л. 6.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 133.
- ³⁸ Там же. Л. 140.
- ³⁹ Там же. Л. 170.
- ⁴⁰ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. С. 114.
- ⁴¹ ПЦР. Т. 4. С. 89.
- ⁴² ПЦР. Т. 2. С. 259.
- ⁴³ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 479.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 190.
- ⁴⁵ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова // Былое. 1918. Кн. 7(13). С. 120.
- ⁴⁶ ПЦР. Т. 4. С. 93.
- ⁴⁷ В январе и феврале... С. 120.
- ⁴⁸ Цит. по: *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 481–482.

- ⁴⁹ Там же. С. 482.
- ⁵⁰ Записка Родзянко, февраль 1917 г. // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69–86.
- ⁵¹ ПЦР. Т. 7. С. 166.
- ⁵² Там же. С. 165.
- ⁵³ К истории последних дней... С. 245.
- ⁵⁴ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 483.
- ⁵⁵ ПЦР. Т. 1. С. 172.
- ⁵⁶ Там же. С. 174.
- ⁵⁷ Цит. по: *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 47.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 323; *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 483.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 97.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341. Ч. 58. Л. 8.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. Оп. 126. Ч. 2. Т. 1. Литер «А». Л. 44.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 630. Л. 163.
- ⁶⁴ ПЦР. Т. 4. С. 492.
- ⁶⁵ Цит. по: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 274.
- ⁶⁶ Цит. по: Там же.
- ⁶⁷ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 220.
- ⁶⁸ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 483.
- ⁶⁹ Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 24.
- ⁷⁰ Цит. по: *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 46.
- ⁷¹ Мука для Петрограда. С. 3.
- ⁷² Распоряжение о выпечке хлеба // День. 1917. № 41. 12 февр. С. 3.
- ⁷³ Хлебный кризис // День. 1917. № 41. 12 февр. С. 4; Хлеб // Русская воля. 1917. № 40. 14 февр. С. 6.
- ⁷⁴ Беседа с командующим войсками Петроградского военного округа ген. С. И. Хабаловым // Биржевые ведомости. № 16098. 14 февр. С. 1.
- ⁷⁵ Буржуазия накануне... С. 186.
- ⁷⁶ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 52.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341. Ч. 57. Л. 8.
- ⁷⁸ Буржуазия накануне... С. 187.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Речь. 1917. 14 февр.
- ⁸¹ К истории последних дней... С. 245.
- ⁸² *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 286.
- ⁸³ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 130.
- ⁸⁴ *Черменский Б. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 266, 273.
- ⁸⁵ К истории последних дней... С. 246; *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 483.
- ⁸⁶ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 487.
- ⁸⁷ ПЦР. Т. 4. С. 89.
- ⁸⁸ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция... С. 492.
- ⁸⁹ Цит. по: *Тарле Е. В.* Сочинения: в 12 т. Т. 11. М., 1961. С. 686.
- ⁹⁰ ПЦР. Т. 6. С. 388.
- ⁹¹ *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 220.
- ⁹² *Глобачев К. И.* Правда о русской революции.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нефедов С. А. Неизвестная февральская революция (часть 2) // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 1. С. 29–44. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.102>
УДК 94(47).084.1

Аннотация: Вторая часть статьи посвящена подготовке манифестации 14 февраля 1917 г. Манифестация готовилась «Рабочей группой» Центрального военно-промышленного комитета при поддержке лидеров этого комитета, А. И. Гучкова и А. И. Коновалова. Предполагалось, что собравшиеся у стен Думы стотысячные массы рабочих потребуют у депутатов создания «Временного правительства», ответственного перед Думой и «народом». В случае, если полиция и войска попытались бы разогнать демонстрантов, планировалось оказать вооруженное сопротивление и на некоторых заводах раздавалось оружие. Предполагалось, что манифестация может стать началом вооруженного восстания и революции. Активность рабочих стимулировалась набравшим остроту продовольственным кризисом. В условиях отсутствия карточной системы нехватка хлеба породила огромные очереди, стояние в которых действовало на население сильнее всякой агитации. По донесениям полиции, в манифестации готовы были принять участие и рабочие, прежде не интересовавшиеся политикой. Некоторые сообщения говорили о подготовке вооруженного восстания. Власти готовились к сражениям на улицах Петрограда, был разработан «план охраны», полиция получила на вооружение пулеметы. Вместе с тем при дворе проявлялись настроения неуверенности и страха. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко попытался использовать эти настроения, чтобы добиться у Николая II согласия на создание ответственного министерства, но эта попытка окончилась неудачей. Однако лидеры оппозиции опасались возможной революции в той же степени, что и власти. В конечном счете Милоков и Родзянко выступили с призывом к рабочим воздержаться от манифестации — и она не состоялась. Власти оценили эту демонстрацию лояльности со стороны оппозиции, и, по некоторым сведениям, Николай II принял решение согласиться на создание ответственного министерства.

Ключевые слова: Россия, Февральская революция, демонстрация, 14 февраля, 1917 год, либеральная оппозиция, Центральный военно-промышленный комитет, Рабочая группа, ответственное министерство.

Сведения об авторе: Нефедов С. А. — д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); hist1@yandex.ru

FOR CITATION

Nefedov S. A. 'The Unknown February Revolution (Part 2)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 29–44. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.102>

Abstract: The second part of the paper is devoted to the preparation of the mass demonstration on February 14, 1917. The mass demonstration was prepared by the "Working Group" of the Central Military-Industrial Committee with the support of A. I. Guchkov and A. I. Kononov, the leaders of this committee. It was assumed that the 100,000 workers gathered outside the walls of the Duma would demand that the deputies create the "Provisional Government" responsible to the Duma and the "people". It was planned to provide armed resistance in the case the police and troops tried to break up the demonstrators, and therefore weapons were distributed at some local factories. It was supposed that the protest would become the beginning of an armed uprising and revolution. The activity of the workers was stimulated by the food crisis, which heightened its acuteness. In the absence of a ration card system, the lack of bread gave rise to huge queues, which acted on the population more than any agitation. According to the police reports, even those workers who were not interested in politics were ready to take part in the mass demonstration. Some reports spoke of the preparation of an armed uprising. The authorities were preparing for battles in the streets of Petrograd, a "protection plan" was developed, and police received machine guns. At the same time, there was a sensation of insecurity and fear at the court. M. V. Rodzianko, Chairman of the State Duma, tried to use these sentiments to get Nicholas II consent to create a responsible ministry, but this attempt failed. The opposition leaders however feared a possible revolution as much as the authorities. Ultimately, Miliukov and Rodzianko issued a call to the workers to refrain from mass demonstration — and it did not take

place. The authorities appreciated this demonstration of loyalty on the part of the opposition and, according to some information, Nicholas II decided to agree to the creation of the responsible ministry.

Keywords: Russia, 1917, February revolution, demonstration, February 14, 1917, liberal opposition, Central Military-Industrial Committee, Working group, Responsible Ministry.

Author: *Nefedov S. A.* — Doctor of History, Professor, Ural Federal University; Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); hist1@yandex.ru

References:

- 'Beseda s komanduyushchim voyskami Petrogradskogo voyennogo okruga gen. S. I. Khabalovym', *Birzhevyye vedomosti*, no. 16098, 1917.
- Blokadnyy Leningrad. Payek blokadnikov*. URL: <http://cooks.kz/blokadnyiy-leningrad-payok-blokadnikov> (accessed: 25.12.2017).
- Burzhuzija nakanune fevral'skoj revoljucii* (Moscow — Leningrad, 1927).
- Chermenskiy E. D. *IV Gosudarstvennaja дума i sverzhenie carizma v Rossii* (Moscow, 1976).
- Djakin V. S. *Russkaja burzhuzija i carizm v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917)* (Leningrad, 1967).
- Globachev K. I. *Pravda o russkoj revoljucii* (Moscow, 2009).
- Gosudarstvennaja дума. 1906–1917: stenograficheskie otchety*, 4 vols. (Moscow, 1995).
- 'K istorii poslednikh dnei carskogo rezhima', *Krasnyi arkhiv*, no. 14, 1926.
- Kerenskiy A. F. *Rossija na istoricheskom povorote* (Moscow, 1993).
- Kerenskiy A. F. *Russkaja revoljucija. 1917* (Moscow, 2005).
- 'Khleb', *Russkaya volya*, no. 40, 1917.
- 'Khlebnyy krizis', *Den*, no. 41, 1917.
- Leyberov I. P., Rudachenko S. D. *Revoljucija i khleb* (Moscow, 1990).
- Milyukov P. N. *Vospominanija*, 2 vols. (Moscow, 1990).
- 'Muka dlya Petrograda', *Novoye vremya*, no. 14707, 1917.
- Nikolaevskiy B. I. *Russkie masony i revoljucija* (Moscow, 1990).
- Padenie tsarskogo rezhima*, 7 vols. (Leningrad, 1925).
- Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii*, 3 vols. (St. Petersburg, 2014).
- Protokoly Central'nogo Komiteta Konstitucionno-demokraticheskoy partii*, 4 vols. (Moscow, 1998).
- 'Rasporyazheniye o vypechke khleba', *Den*, no. 41, 1917.
- Revoljucionnyy Petrograd*. God 1917. (Leningrad, 1977).
- Rodzyanko M. V. *Krushenie imperii* (Leningrad, 1929).
- Shlyapnikov A. G. *Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyj god*, 2 vols. (Moscow, 1992).
- Shulgin V. *Gody. Dni. 1920* (Moscow, 1990).
- Spiridovich A. I. *Velikaja vojna i Fevral'skaja revoljucija. Vospominanija* (Minsk, 2004).
- Startsev V. I. *Russkaja burzhuzija i samodержavie v 1905–1917 gg.* (Leningrad, 1977).
- Tarle E. V. *Sochineniya*, 12 vols. (Moscow, 1961).
- 'V janvare i fevrale 1917 g. Iz donesenij sekretnykh agentov A. D. Protopopova', *Byloe*, no. 7 (13), 1918.
- 'Zapiska Rodzjanko, fevral' 1917 g.', *Krasnyj arkhiv*, no. 3, 1925.